

121 МАР 1989

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

«Девиз мой, известный Вам: «держай! вперед к новым берегам!» остался неизменным. Если судьба даст возможность расширить проторенную дорожку к жизненным целям искусства, возрадоуюсь и ликовать буду; требованию искусства от современного деятеля так громадно, что способны поглотить всего человека. Прошло время писаний на досуге; всего писанья под рукой — вот что теперь надо в искусстве» (М. П. Мусоргский — В. В. Стасову).

Наверное, в этих моих «заметках на полях» сборника «Избранных писем» Мусоргского будет слишком много субъективного. Но стоит задаться вопросом: как мы с вами, благодарные, так сказать, потомки, кому отдана была вся жизнь этого человека, по сути не имевшего ни кола ни двора своего и умершего в палате Николаевского военного госпиталя под видом денщика одного из врачей, но обогатившего род людской вершинными творениями, — как мы с вами чтим его память и осваиваем великое его наследие? И пресловутая «мера объективности» журналиста куда-то пропадает и не знаешь — то ли радоваться, что (спасибо ЮНЕСКО) есть у нас нынче Год Мусоргского, то ли караул кричать, потому что у нас-то, в России хотя бы, каждый год должен быть годом Мусоргского, как, впрочем, и годом Бородина, Чайковского, Рахманинова и Шостаковича — да все как-то не получается. А пока... Если современники Мусоргского свидетельствуют, что после представления «Бориса Годунова» толпы петербургской молодежи распеваля по ночам на улицах хоры из только что услышанной оперы, то нынешними ночами, что в том же Питере, что в нашей матушке-первопрестольной, тебя таким «модерном токингом» из магнитофона обложат — хоть святых выноси.

Жаль, не записал названия передачи по ЦТ, кстати, хорошей передачи, поучительной. Поразили даже не сами слова некоего юнца, звучавшие рефреном: «Кому она нужна, ваша классика!», а какое-то невероятное озлобление в его голосе. И еще: «молодежь выражает себя в танце, а под классику танцевать нельзя». Достойные плоды «культурной революции», о которой мы столько говорили, а чего добились? Взрастали некую «молодежную субкультуру», альтернативную «культуре отцов» и претендующую на абсолютную монополию на «современность»? Шумим, и правильно шумим, об изменении генофонда в районах повышенной экологической опасности, но обратимыми ли будут изменения в нашей духовной сфере? Во всяком случае, если один из крупнейших, а может, самый крупный пианист мира, поймав на концерт которого почитается за счастье в любой стране (написать фамилию в таком контексте рука не поворачивается), на гастролях по России играл в полупустых залах — это уже сигнал бедствия.

«До сих пор цензура музыкантов пропускала; запрет («Семинаристу») служит доводом, что из «соловьев кущей лесных и лунных воздыхателей» музыканты становятся членами человеческого общества, и если бы всего меня запретили, я не перестал бы долбить камень, пока бы из сил не выбился; ибо «несть соблазна мозгам и зело великий пыл от запретов ощущаю» (М. П. Мусоргский — В. В. Стасову).

Мусоргский первым из композиторов наткнулся на цензурные рога. «Семинарист» — на редкость живая картинка: здоровенный ребенок на натушно зубрит латинские склонения, а сам все вспоминает, как ему «от беса искушение довелось принять в храме божьем» — загляделся, бедолага, на поповну, певшую на клиросе, за что и учинил ему батюшка благочинный выволочку. Озорной русский раешник сплетается здесь с интонациями церковного распева, создавая эффект неотразимый. Мусоргский хотел напечатать «Семинариста», а не тут-то было. Друзья помогли «тиснуть» ноты за границей, так на таможене был наложен арест...

Мусоргский предельно социален. И вот я думаю: не потому ли этого величайшего из русских композиторов и мы, сегодняшние, знаем хуже, чем многих его коллег?

При всей бедности нашей пропаганды классического наследия достаточно просвещенный обыватель, скажем, Чайковского с десятком произведений назовет. «Весь» Мусоргский ограничен «Годуновым», «Хованщиной», «Картинками с выставки». Когда-то была популярной «Песня Мефистофеля в погребке Азурабаха», проще говоря — «Песня о блохе», да постепенно сошла на нет, во всяком случае, в эфире. И, может, не случайно: «При нем блоха жила. Милей родного брата она ему была» — в годы, когда всяческие блоки разряды зытков и иных присных вольготно чувствовали себя «при нем», ее обличительный пафос был абсолютно не ко двору.

Нет, вовсе не потому, что якобы письмо Мусоргского «неудобно» для вокалистов,

неподраженный и без сусальности. И какое страшное (и оистину) богатство народной речи для музыкального типа, пока не всю Русию исковеркали чулунки! Какая неистощимая (пока, опять-таки!) руда для хватки всего на стоящего жизнь русского народа! Только ковырни — напляшешься — если истинный художник... Ну, удастся мне — спасибо; нет — в печали пребывать буду, а народ из головы не выйду — шалишь!» (М. П. Мусоргский — И. Е. Репину).

Мусоргский народен, как и все русские классики, и все же его народность особая. Он не сочувствует народу, а чувствует то же, что и народ. Не соперничает с ним, а переживает, живет. Не говорит за своих героев — они говорят его устами, не призна-

вал? Не в селе ли Шилове сенокосным летом, когда «подмечал баб характерных и мужиков типичных... Сколько свежих, нетронутых искусством сторон кишит в русской натуре, ох, сколько! и каких сочных, славных».

Силой и искренностью любви своей не многие из мировой музыкальной — и только ли музыкальной? — литературы могут сравниться с этой раскольницей. И еще — чистотой. С какой торопливой радостью набрасывал Мусоргский ответ своему вдохновителю Стасову, который, говоря о последней сцене «Хованщины», назвал Марфу самым чистым созданием: «...Спасибо, что мы поняли Марфу и сделаем эту русскую женщину чистой. ...Спасибо Вам». Отчего же сегодня у нас чистота самое святое качество женщины, словно бы уж и не

«Кому нужна ваша классика?» Только виноваты ли они, эти юнцы? И может, болезненный этот выкрик — скорее, стон, и стонет уже целое поколение, сбито с нравственных и эстетических устоев?

Культура — экология души. Кто у нас этой культурой только не занимается! Министрства — сколько министерств культуры в стране, а сколько управлений? Филармония, Москонцерт, Ленконцерт, Укрконцерт... Фонды — культуры, детский, мира... Творческие союзы и профсоюзы, и еще кооперативы. Теперь вообще предполагается отдать культуру в ведение местных органов — культура местного значения! А знаменитое русское бельканто, жемчужина мирового вокала, как в заповедниках, сохраняется лишь в немногочислен-

В летописи Отечества

многие его сочинения сошли с концертных подмостков: скажем, такой авторитет, как Е. Нестеренко, свидетельствует, что все произведения Мусоргского для голоса «вокально комфортны». И не потому, что сюжеты и тексты его «устарели» и ныне «не воспринимаются». Звучат же они за рубежом, широко звучат в чужой языковой среде, в других житейских условиях — и еще как, простите, воспринимаются!

Нэ взять тот же «Раек», блистательную сатиру на противников «могучей кучки», «на великих на господ, музыкальных воевод» от Феофана Толстого до самой великой княгини Елены Павловны. Не себя ли увидели в них те, кто «учил» писать симфонии — Шостаковича, оперы — Прокофьева, кто определял — играть или нет «эмигранта» Рахманинова? А если не они сами себя узнавали, остерегались те, кто вокруг них кормился на должностях менее почтенных, но все же «разрешающих и запрещающих» — и остерегали других: на кого, мол, намекаете?

Гений всегда современен, а потому и далеко не всегда удобен. На совесть наступает.

Есть у Мусоргского баллада «Забитый». История ее такова: в 1874 году В. Верещагин выставил в Петербурге свои полотна, в том числе «Апофеоз войны», «Нападают враг», «Вошли!» и «Забитый». Выставка потрясла столицу, но официальные круги начали настоящую травлю живописца. В припадке отчаяния Верещагин сжег три последние работы.

Под впечатлением этого события друг Мусоргского А. А. Голенищев-Кутузов написал балладу, а Модест Петрович положил ее на музыку: «Забитый» возродился из пепла. «Он смерть нашел в краю чужом, в краю чужом, в бою с врагом; но враг друзьями побежден, друзья ликуют, только он на поле битвы по забыт, один лежит...»

Туркестанские походы как-то так тихо ушли из нашей памяти. Но вот недавно Димка, сын моего сослуживца, вернулся из-под Вязьмы, не с веселой прогулки с рюкзаком, а с горького, страшного, хотя и благого дела: ищут ребята по лесам да болотам тела тех, кто пал в сорок первом, и предают их земле, спуска сорок восемь лет не единичи — сотни находят. «Друзья ликуют, только он на поле боя по забыт...»

Мы часто вместо понятия «филармоническая музыка» в расхожей речи говорим «классика». Это неправильно. Произведения филармонического плана могут быть написаны вчера и сто лет назад, могут быть удачными и неудачными. А классика — потому и классика, что она на все времена.

«То-то вот: народ хочет сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один, цельный, большой,

ВСЕГДА СОВРЕМЕНЕН

Перечитывая письма М. П. Мусоргского

вавшими иной правды, кроме художественной верности в воспроизведении народной фантазии, в чем бы она ни проявлялась. Поэтому его народ не благообразен, не расчесан, как на пасху, «на рядок», но колоритен, крушен, яростен. «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере», — написал он в посвящении «Бориса Годунова» товарищам по «могучей кучке».

Какие характеры сходят к нам со страниц его партитуры! Иному посмотри в глаза — и не грех опустить очи долу и подумать: а мы-то что же, сегодняшние? Порой, когда вчерашним мы нынешние дела свои, мне кажется, очень не хватает нам сознания, что придет день — и Пимен грядающих поколений, «пыль веков от хартий отряхнув», с недоуменной объективностью будет оценивать каждое наше деяние. И каким будет этот суд?

В номере ленинградской гостиницы, где лежал старенький томик «Избранных писем», чуть не половиною площадью занимает телевизор. Диктор упоенно рекламирует очередной смотр красавиц с берегов Невы. Юные девы искусственной походкой пересекают закрывавшую прострацию, подставляя глазку телекамеры полуобнаженные (на первом этапе) плечи. Это что, Марфы XX века?

У Мусоргского мало «прелюбов». Он словно берег, копил в себе всю глубину лирики до «Хованщины», чтобы наполнить ею свою Марфу. Чудом сохранилась программа спектакля, на котором пятнадцатилетним мальчишкой я впервые прикоснулся к «Хованщине»: 1951 год. Н. Голованов, М. Рейзен, А. Кривянов — имена-то какие! Но больше всего в память запала Марфа — М. Максаква — ее проникновенное «исходила младшенька все луга и болота...» по сей день щемит сердце, пусть уж простят меня другие исполнительницы. Где же он ее, Марфу свою, подсмотрел, подслушал, выве-

вал? При стечении публики, при «компетентном жюри» выставляя свои прелести совсем юные девчонки — в параллель с выставками породистых собак и кошек. Рост... Бюст... Талия... Бедр... Та же торговля красотой, только не за деньги, а за призы.

«Эта какая-то эпидемия. Мисс Москва, мисс Ленинград, мисс... Писатель В. Распутин, выступая перед ленинградцами, рассказал, что есть на свете село с названием Грязнуха. И что там тоже избрали свою мисс — мисс Грязнуху. Эпизод? Да, эпизод, но ставший уже типическим — отчего и мороз по коже...»

Порой мне кажется, потому все дальше, на второй, пятый, ...надцатый план уходит из нашей жизни классика, что нам действительно становится трудно взглянуть в глаза той же Марфе. Классика, русская классика всегда была уроком нравственности, не пуританства, нет, с точки зрения пуританина и Марфа Мусоргского, и Катерина Островского, и даже бедная Лиза Карамзина — грешницы. Но их чувства не были разменены монетой, кипением сладострастия — любовь поднимала их на ту высоту, с которой можно было упасть и разбиться, но только не пасть.

«Прошедшее в настоящем — вот моя задача. «Ушли вперед!» — врешь, «там же!» Бумага, книга ушли — мы там же. Пока народ не может проверить воочию, что из него строят, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним сострадалось — там же! Всякие благодетели гораздо прославятся, документами закрепить прославление, а народ стонет, а чтобы не стонать, лих упивается и плути стонет: там же!» (М. П. Мусоргский — В. В. Стасову).

Пожалуй, современный публицист так остро и не напишет. А что, если подумать: мы-то с вами «ушли вперед» в области культуры, без которой нет прогресса, или «там же»? Снова вспоминается юнец на телеэкране:

ных наших оперных театрах да в ансамблях песни и пляски. А великие пианисты играют в полупустых залах.

Семьдесят два года понадобилось, чтобы сподобились мы открыть памятник Мусоргскому. 150-летний юбилей нужен был, чтобы в Ленинграде провозвести фестиваль, ему посвященный, — земной поклон за это художественному руководителю Театра имени Кирова В. Гергиеву. Сегодня вечером откроется фестиваль в Пскове, торжественное собрание пройдет в Большом театре.

Может, наконец, это все же не очередная юбилейная кампания, а начало серьезных раздумий о судьбе нашего культурного наследия? Время собирать камни, немало уж мы их разбросали, не прокидав бы. Да только боюсь: отшумят юбилейные речи, и все вернется на круги своя.

Идет Год Мусоргского. «В какой степени я послужил искусству — не знаю, но чувствую, что сделал что-то праведное и бесповоротное». И, может, вправду он ждал от своих потомков того же — праведного и бесповоротного отношения к себе, к своему творчеству, к своим идеалам?

Сегодня нам нужно не раздробление культурных сил, а единение их под эгидой общегосударственной программы культурного развития народа. И прежде всего пора прекратить развращать людей потачками низменным вкусом, подменной высокими понятиями ценностями весьма сомнительными, хотя и «современными». Если мы завтра не сумеем насытить жизнь народа красотой непреходящей, если в погоне за сытым благополучием духовность отодвинем на еще более дальний план, если Мусоргский и Шостакович не станут молодежи ближе и дороже «модернов токингов» — послезавтра нас подстережет катастрофа духа.

Где-то они, наши «новые берега»?..

Э. МИХАЙЛОВ, заслуженный работник культуры РСФСР. На снимках: музей Мусоргского в селе Наумове. Фото А. БАЖЕНОВА.